

... Рим должен быть разрушен ...

Напротив, мои сношения с Римом и Карфагеном начались задолго до того, как я вообще вступил на престол. Уже к стеклодувному проекту у меня были широкие связи и значительное число влиятельных друзей, как в Риме, так и в Карфагене.

Конечно же, столько же времени и сил на поддержание этих связей у меня после начала похода в Элладу не было, а потому они постепенно гасли, одна за другой, но я всё же знал о политической ситуации в этих державах более чем достаточно.

Да и, разумеется, что для меня, что и для всех остальных, реванш со стороны Карфагена казался неизбежным. Собственно, он и был неизбежным. Всех волновал лишь один вопрос – «Когда разразится война?». Вернее, всех, кроме меня.

Меня волновал лишь один вопрос – «А на чью сторону мне встать»? Для меня этот выбор был довольно неочевидным поначалу – в обеих державах я имел хорошие связи и понимал, что, в сути, должен решить, кому же ему помочь в овладении Западным Средиземноморьем.

Сначала, когда я был ещё достаточно слаб, я думал о Риме – его поддержка могла бы многое мне дать, а претензий на всё Средиземное море у меня тогда не было. Знаете, больше Восток волновал. Потому я, собственно, и предпринял столь великое множество шагов по замирению римлян, чтобы заручиться хотя бы их нейтралитетом.

Разумеется, я первым же делом ограничил Деметрия в его желании грабить всё подряд на море, обещав тому военные трофеи в грядущих войнах, хорошее денежное и хлебное довольствие – лишь бы не топил римские суда.

Поддействовало не слишком эффективно, но всё же смягчило натиск Деметрия на римские торговые суда, что смягчило уже римлян и их недовольство, оттянув очередную Иллирийскую войну.

Кроме того, чтобы удовлетворить их, я регулярно делал им подарки, посылал посольства, уверял в своих лучших намерениях, подкупал чиновников золотом и серебром, толпу хлебом, а также делал многие другие шаги.

Впрочем, чем сильнее я становился, тем всё меньшее желание у меня было продолжать этот цирк, а так как я стал очень сильным весьма скоро, моя политика очень быстро изменилась.

Изменилась из-за осознания, что Рим больше мне уже не поможет – он уже сделал всё, что нужно, просто не вмешиваясь в мои войны. Кроме того, я осознал, что устройство Рима, при всём его неудобстве и неэффективности, всё же было более устойчивым, чем таковое у Карфагена.

Кроме того, после активного сбора информации я окончательно убедился в том, что Карфаген значительно слабее Рима. Ганнибал Барка, это, конечно, хорошо, но какой от него толк, если у Карфагена меньше мобилизационная база и более слабая экономика?

Если я хотел, чтобы Карфаген победил, мне нужно было помочь ему. В противном случае Рим бы просто разорвал Карфаген. Возможно, не без труда, но всё же разорвал бы его просто на куски, так или иначе. Не потому, что римляне такие классные, а потому, что у Рима просто больше мобилизационная база и сильнее экономика.

Соответственно, не разрывая связи с Римом, я постепенно стал помогать всячески Карфагену в его подготовке к войне, а также мешать этой же подготовке Рима.

Разумеется, я тут же приказал Деметрию топить все торговые суда Рима без опаски и без оглядки. Правда, на этот раз я уже платил ему за морской грабёж, а не самоограничение.

Кроме того, я стал постепенно вводить всё новые пошлины на экспорт товаров в Римскую Республику, а также уменьшать размер единой пошлины на экспорт товаров в Карфаген, в надежде на то, что возникнет схема реэкспорта товаров через Карфаген в Римскую Республику.

Зачем мне это? Ну, формально то я не теряю денег от этого, ведь предложение и спрос не изменяются в силу потребительских особенностей экспортируемых товаров, как и римские купцы – страдает только конечный потребитель.

Конечный потребитель в лице римской знати, если мы говорим о товарах роскоши вроде шёлковых тканей, пряностей, благовоний и других, и конечный потребитель в лице римской толпы, если мы говорим о хлебе и других продуктах широкого потребления. Ну, это если быть совсем точными.

Конечно же, моя схема имела своей целью увеличить оборачивающийся в Карфагене финансовый капитал и уменьшить таковой в Римской Республике за счёт дополнительного изъятия золота и серебра из страны (разумеется, все внешние торговые операции в это время проводились с помощью золота и серебра, наиболее надёжных металлов).

То есть, усилить Карфаген и ослабить Римскую Республику за счёт экспортных схем, основанных на моей монополии в торговых делах с Востоком.

Как ни странно, желания и возможности обогнуть Африку и установить иной путь в Индию, в обход меня, у них не было, да и впоследствии тоже не будет.

В любом случае, эта затея была достаточно успешна – постоянные и опустошительные для торговли в Адриатике пиратские рейды делали коммерческое судоходство слишком рискованным предприятием, в то время как другой путь предполагал прохождение вдоль берегов Карфагена.

С другой стороны, как уже было сказано ранее, сделки с контрагентами из Римской Республики облагались довольно значительными пошлинами и акцизами, что вынуждало самих римских купцов проворачивать схемы с реэкспортом из Карфагена с целью избежать дополнительных расходов.

Карфаген, в свою очередь, вполне разумно извлёк выгоду из этого положения, так как облагал торговой пошлиной все корабли, в том числе и те, что шли с Востока. Она была, конечно же, меньше, чем та, что была у меня в отношении операций с контрагентами из Римской Республики.

Таким образом, сразу два обстоятельства действовали в пользу Карфагена, что и предрешило исход в его пользу – Рим был ослаблен с финансовой точки зрения, ведь отток драгоценных металлов только усилился, а Карфаген, наоборот, был усилен.

Естественно, Римской Республике оставалось только смириться с этим, тем более, что римский флот, направленный на уничтожение иллирийских пиратов, был разбит пиратами.

Пиратами, которые лишь формально ими являлись – фактически речь шла о наиболее профессиональных и опытных морских кадрах, а также чёткой кадровой организации.

Кроме того, о значительно стандартизированном, по меркам античности, строительстве кораблей с опорой не только на эмпирический опыт кораблестроительства, но и на теоретические познания в этой области, которые значительно увеличились за последнее время.

Разумеется, это положительным образом сказалось на мореходных качествах кораблей, строительство которых ещё и было удешевлено за счёт дальнейшей стандартизации кораблестроительства на крупных верфях, и оптимизации конструкции корабля и применении новых материалов.

Таким образом, «иллирийские пираты», которых римляне воспринимали в качестве жалких варваров, по которым достаточно было «вдарить по лицу кулаком, да хорошенько так, чтобы проучить!», внезапно разбили численно превосходящий в числе римский флот за счёт лучшей выучки, опыта и обучения, а также более качественных кораблей.

Разумеется, римляне объявили иллирийцам войну и даже снарядили флот, но снова потерпели катастрофу от пиратов. Тут, конечно же, вмешался уже Я, побряцал оружием и одарил тех, кого нужно, после чего был заключён мир, фактически означавший полное поражение Рима во Второй Иллирийской войне.

Естественно, я воспользовался данным случаем, чтобы углубить свои отношения с Карфагеном. По результатам переговоров пришли к уговору, что карфагеняне построят на предоставленные мной, в виде беспроцентного долгосрочного займа, денежные средства 200 военных кораблей на моих восточных верфях.

Я же, взамен, буду уплачивать карфагенскому Сенату денежное довольствие на их постоянное содержание в полной боеготовности, а также укомплектую при необходимости эти корабли необходимым экипажем.

Ну и, естественно, я также взял на себя обязательство по финансовому обеспечению полноценного и постоянного содержания в полной боеготовности остальных кораблей Карфагена.

То есть, я фактически взял на себя обязательство создать и снарядить огромную эскадру в 200 кораблей, а также финансово обеспечивать весь карфагенский флот.

Кроме того, я договорился с Карфагеном о создании при дипломатическом посольстве Панэллинского союза в Карфагене военного представительства, в которое будут включены сухопутные военные и военно-морские офицеры, задачей которых стало обучение карфагенских экипажей.

Разумеется, чтобы сокрыть эти махинации от Рима, они были оформлены посредством хитрых схем с длинными цепочками различных подставных организаций.

Впрочем, как позже выяснится, оно и не потребуется – стратегическая разведка у римлян, особенно в сравнении с карфагенянами, у которых она была передовой, находилась на уровне морского дна.

Что касается армии, то тут я лишь взял на себя обязательство по содержанию части карфагенских наёмников, а также предоставлению и самостоятельному содержанию воинского контингента в 3 000 всадников.

Оформленных, разумеется, в качестве «наёмников из числа галатов, фракийцев, иллирийцев и прочих варварских народов...». В принципе, ложью это и не было – среди них были и фракийцы, и фракийские галаты, и иллирийцы, да и все прочие.

Правда, их содержание было мизерным, в то время как «прочие варварские народы», среди которых – армяне, арабы, мидяне, бактрийцы и другие восточные народы, превалировали в составе войска.

К слову, последние, в большинстве своём, вообще-то, были моими подданными, но вот такой вот хитрой формулировкой они были оформлены как «прочие варвары».

Ну, а численность отряда, разумеется, была многократно занижена, в результате чего отряд даже при внимательном рассмотрении выглядел для римской агентуры как «какие-то там горстки фракийцев и иллирийцев, ха!»

В то же самое время, 3 000 всадников, причём не просто всадников, а лучших всадников,

буквально рождённых в седле и проживших всю свою жизнь в седле.

Всадников с отличной выучкой, высокой дисциплиной, талантливыми и многообещающими офицерами, а также внушительным атакующим и защитным вооружением, на минуточку.

Разумеется, это было серьёзным усилением карфагенской армии, у которой на момент вторжения в моей прошлой жизни было всего 9 000 всадников.

Как не трудно посчитать, это довольно внушительное укрепление карфагенской конницы, тем более, что для них оно являлось совершенно бесплатным.

Ну и, разумеется, как финальный штрих, я потратил значительные денежные средства на укрепление карфагенской власти в Иберии, в частности, на подкуп иберийских племён.

Вернее, это проделывал в рамках тщательной подготовки к военной операции против Рима сам командующий карфагенскими силами в Иберии – Ганнибал Барка, а я его просто спонсировал самым активным образом, естественно, в обход коррумпированного карфагенского Сената.

Ну и, наконец, мои усилия кульминировали в том, что Ганнибал, один из величайших военных умов античности, наконец-то, напал на Сагунт, союзный Риму, воспользовавшись удачным случаем – значительная часть римского флота была в данный момент уничтожена в морском сражении при Фаросе...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2365528>